

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КЕН ЛЮ, ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ, НЭНСИ КРЕСС,
ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН, ДЖЕЙК КЕРР,
УИЛЛ МАКИНТОШ, ДЖЕК МАКДЕВИТ
И ДРУГИЕ

ХАОС НА ПОРОГЕ

РЕДАКТОРЫ ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС И ХЬЮ ХАУИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Сое)я43
Х 19

Серия «Фантастика: классика и современность»

THE APOCALYPSE TRIPTYCH: THE END IS NIGH

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения редакторов и литературных агентств
Nelson Literary Agency, LLC, The Gernert Company и Jenny
Meyer Literary Agency, Inc.

Х 19 Хаос на пороге: [сборник; перевод с английского-го] / ред. Джон Джозеф Адамс , Хью Хау. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-097863-2

Созданный под редакцией Джона Джозефа Адамса и Хью Хауи — опытнейших составителей фантастических антологий, Триптих Апокалипсиса представляет собой серию из трех сборников апокалиптической фантастики.

«Хаос на пороге» фокусируется на событиях, предшествующих массовой катастрофе, когда лишь единицы предчувствовали грядущий коллапс. «Царствие хаоса» обрушивает на человечество мощные удары, практически не оставляющие выбора ни странам, ни отдельным людям. «Хаос: отступление?» изображает участь человечества после Апокалипсиса.

В этом сборнике вашему вниманию представлены 22 новые, ранее не публиковавшиеся истории, вышедшие из-под пера Паоло Бачигалупи, Тананарив Дью, Ненси Кресс, Кена Лю и многих других мастеров современной фантастической прозы.

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Сое)я43

ISBN 978-5-17-097863-2

© John Joseph Adams and Hugh Howey, 2014

 Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС

Джон Джозеф Адамс — постоянный редактор серии «Best American Science Fiction & Fantasy», редактор многих антологий-бестселлеров. Шесть раз номинировался на премию «Хьюго» и пять раз — на премию World Fantasy Award; компанией Barnes & Noble назван «королем мира антологий». Джон также издатель цифровых журналов «Lightspeed» и «Nightmare», продюсер подкастов. Смотрите [Twitter@johnjosephadams](https://twitter.com/johnjosephadams).

Введение

«Наш мир сгорит в огне».

Роберт Фрост, «Огонь и лед»

Пост-апокалиптическая фантастика повествует о сгоревшем мире. Апокалиптическая — о горящем. «Хаос на пороге» — про зажженную спичку.

 познакомился с Хью Хауи на Всемирном конвенте фантастов в 2012-м. Он высоко оценил мою пост-апокалиптическую антологию «Wastelands», а я — его пост-апокалиптический роман «Wool». В то время меня привлекала идея составления межавторских антологий как средства для продвижения моих собственных книг. Учитывая наш общий интерес ко всему апокалиптическому и то, насколько легко мы сошлись, я предложил Хью стать редактором очередной

пост-апокалиптической антологии вместе со мной. Поскольку вы видите на обложке два имени, нетрудно догадаться, что Хью согласился.

Перебирая варианты названия, я наткнулся на «Хаос на пороге» — этот зловещий лозунг очень любят выкрикивать самозванные пророки очередного Судного Дня, расхаживающие там и сям со своими плакатами. Поначалу я его отверг — название «Хаос на пороге» не слишком-то подходит для пост-апокалиптической фантастики. Там хаос не топчется на пороге, он уже наступил!

Только как насчет антологии, описывающей события ДО апокалипсиса? Тему конца света в той или иной форме можно встретить во множестве сборников, но я не мог припомнить ни одного, целиком посвященного событиям, впоследствии приведшим к катастрофе. Хотя, казалось бы, что может быть драматичней, чем судьбы героев, на глазах которых мир катится к концу?

Я почувствовал, что набрел на неплохую идею. Однако при общем интересе к апокалиптической тематике моей истинной любовью была именно пост-апокалиптика, и меньше всего мне хотелось отказываться от антологии, посвященной конкретно ей.

Тут-то меня и осенило. Может быть, вместо одной антологии имеет смысл опубликовать несколько, и пусть каждая будет посвящена одной из граней Апокалипсиса?

Так родился «Триптих». В первый его том, «Хаос на пороге», вошли рассказы, действие которых происходит непосредственно перед Апокалипсисом. Том второй, «Царствие хаоса», повествует о самом Апокалипсисе. А в третьем томе, «Хаос: отступление?», представлена жизнь после Апокалипсиса.

Однако мы не хотели ограничиваться триптихом антологий, желательно было, чтобы отдельные рассказы тоже складывались в триптихи. Поэтому, объявляя набор авторов, мы сразу советовали им написать не просто по одному рассказу, а по рассказу для каждого тома, между которыми есть связь, так что внутри «Триптиха

Апокалипсиса» читатель найдет еще и мини-триптихи. Не каждый автор мог позволить себе сразу три рассказа, но большинству это удалось, и для значительной части историй из этого тома во втором и третьем томах найдутся продолжения или дополнения. Все рассказы имеют самостоятельную ценность, но подразумевается, что удовольствие от чтения у того, кто прочитает все три тома, будет больше, чем если просто умножить удовольствие от каждого тома.

В традиционной издательской модели сама идея опубликовать не одну антологию, а три, связанные между собой, звучит дико и вряд ли реализуема. То, что мы с Хью изначально планировали опубликовать антологию самостоятельно, пришлось весьма кстати. Сознание, что мы делаем нечто, за что издательства вряд ли взялись бы — а взявшись, вряд ли бы справились, — сделало сам эксперимент еще привлекательней, а работу над проектом — интересней.

* * *

«Жечь было удовольствием. А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками паразитического дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины».

*Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту»
(пер. В. Бабенко)*

Мы исполним для вас двадцать две симфонии огня и разрушения.

Приготовьтесь к особому наслаждению — видеть, как огонь пожирает один мир за другим, как они чернеют и меняются.

Изорванные, обуглившиеся страницы пока еще не сбывшихся историй — перед вами.

РОБИН ВАССЕРМАН

Робин Вассерман — автор нескольких книг для детей и подростков, в том числе «The Waking Dark», «The Book of Blood and Shadow», трилогия «Cold Awakening», «Hacking Harvard» и серия «Seven Deadly Sins», по которой был поставлен популярный телевизионный минисериал. Ее статьи и рассказы публиковались в антологиях, а также в «The Atlantic» и «The New York Times». Бывший редактор детских книг, сейчас она сотрудник университета Южного Нью-Гэмпшира. Живет и пишет в Бруклине (Нью-Йорк). Узнайте о ней больше из сайта robinwasserman.com или присоединяйтесь к ее [Twitter@robinwasserman](https://twitter.com/robinwasserman).

Бальзам и рана

В нашем деле заведено так: перво-наперво оглашаешь дату. Выпендрожники столбят деньки поэффектней — тридцать первое октября, там, или первое января; а как по мне, ткни наобум в календарь — выйдет не хуже. Какой-нибудь третий вторник августа даже правдоподобней. Затем нагнетаешь мрачные видения геенны огненной, страшных бедствий последних дней апокалипсиса, когда сдвинутся горы и по земле поскачут Всадники, умерщвляя огнем и мечом, насылая голод и хвори. Нагоняешь страху как следует — побольше кровищи, мертвых тел и хаоса, чтобы прихожане все как один обделались, — тогда-то и протягиваешь спасительный билетик. Скромное пожертвование — всё личное имущество, включая, разумеется, пенсионные

накопления, — и счастливицы в одночасье, минуя огненные озера, на святом слове и на одном крыле отправятся прямиком на небеса.

Если предположить, что все идет как надо, ныкаешь денежки подальше, желательно в банк какой-нибудь страны, где тебя не выдадут «федералам», и, сжав кулачки, ждешь судного дня. А на заре, когда, вопреки всему, взойдет солнце, восславь Бога за то, что Он услышал твои молитвы и смягчился в последний момент. Да не скромничай, похвали себя, как следует, — ведь это ты обставил Авраама и выторговал спасение для нынешних Содома и Гоморры. Так возблагодарим Господа, братья и сестры, за новый день, хоть и пусты наши карманы, аминь.

Если пороху не хватает, списывай на человеческий фактор: виноват, не учел наклон оси Сатурна и время восхода Венеры, не распознал знамения, уж простите. Со скрипом, но прокатит, — всё лучше, чем хлебать баланду; а если считаешь, что нет «жизни вечной» хуже, чем «пожизненное», ищи себе другое дело. Сработает чисто — и к тому времени, как озверевшая толпа, вооруженная вилами и факелами, примется выламывать двери, ты уже будешь на другом конце света прожигать их накопленные тяжким трудом денежки.

Если, конечно, предположить, что все идет, как надо.

Сам-то я люблю соломки подстелить, предусмотреть худший вариант развития событий и оставить лазейку на случай, если что-то пойдет не так. Никогда не рассчитывал на то, что все пойдет как надо.

Знамения — фигня на постном масле. Кто только не «читал» знамения: Нострадамус, Иисус Христос, Джим Джонс, Мартин Лютер, цивилизация майя, прохиндеи всех мастей, от Коттона Мейзера до дядюшки Сэма. Все они знатно облажались. И тут появляюсь я. Как тут не вспомнить про бесконечное число обезьян, которые рано или поздно напечатают «Гамлета», да?

Зовите меня Уилл.

* * *

Хилари привезла пацана через пять дней после того, как я огласил пророчество, за девять месяцев до апокалипсиса. Дети как раз установили над алтарем плоский телеэкран, на котором мигали цифры обратного отсчета, как напоминание о неумолимом конце. Девять месяцев — подходящий срок, достаточно долгий, чтобы довести панику до кипения и опустошить кошельки без опасений получить пулю в лоб, и достаточно короткий, чтобы утешать сереньких и простоватых Детей Авраама без подспудного желания их передушить. Но когда заявила Хилари, я призадумался насчет сроков. И не только потому, что она вздумала спихнуть мне этого тощего, как сушеная треска, десятилетку, прежде чем отправиться на поиски более злчных угодий.

Вот уже лет пять я зовусь Авраам Уолш. Настоящее мое имя вам ни к чему. До этого меня звали Авраам Кливер, а еще раньше, когда Хилари решила расплестись с родителями и связалась со мной, бродячим проповедником, — Авраамом Брейди. И если после десяти лет, трех фамилий и двенадцати штатов меня смогла разыскать эта больная на всю голову, то кто знает, сколько полицейских, вчерашних прихожан, сопливых детишек и разъяренных отцов с дробовиками наперевес у меня на хвосте?

Добрых три года в Питтстауне дело шло, как по маслу. «Дети Авраама» — около сорока семей — не без помощи кающегося грешника и местного царька Кларка Джеффри разжились церквушкой, парочкой домов и частным особняком с крытым бассейном. Как ни хотел Кларк Джеффри пробиться в рай и задобрить Бога за двадцать лет хищений и кувырканий с проститутками, а все ж его благочестия не хватало на то, чтобы растрясти мошну или переписать на отца Авраама немного землицы. Занимай и ссужай — в этом весь Кларк. Жертвуют идиоты.

Мы не стремились пополнять наши ряды: прозелитизм только привлекает лишнее внимание. Никаких вычурных нарядов и танцев с кимвалами на улицах, — пустые понты. И никакой полигамии, иначе шумихи не оберешься. Тем более что меня лично жизнь научила: одна жена — это на одну больше, чем требуется. Дети оказались кроткой и смирной паствой, но я бы вконец уморился разыгрывать из себя божьего агнца, чтобы продолжать их стричь, если бы не дорогие простыни, крытый бассейн и ванна с джакузи. Всяко лучше, чем горбатиться на дядю, особенно когда до пенсии осталось восемь месяцев и двадцать шесть дней. И тут заявляется Хилари Как-Бишь-Ее с плодом моих, очевидно, чресел, Судный день на мою голову.

— Да что я вообще знаю о детях? — сказал я.

— У тебя столько Детей, отец Авраам! Одним больше, одним меньше.

И она уставилась на меня своим фирменным взглядом, широко распахнув наивные глаза, в уголках которых притаилась насмешка. За это я и держал ее при себе, хоть она с самого начала всё просекла и могла запросто натравить на меня своего папашу с дружками. В двадцать пять лет она выглядела на пятнадцать; спустя десять лет мало кто поверит, что ей под сорок. Несмотря на загрубевшую от солнца кожу, раздавленную талию и темный пушок над верхней губой, в Хилари оставалась толика сексуальной привлекательности — так бывшая стриптизерша, упрятавшая кружевные стринги в дальний ящик, сохраняет волнующую манеру двигаться, от которой поневоле сглатываешь слюну и ждешь, когда же начнется самое интересное.

— Ты смеешься?

— Наловчишься, — ответила она. — Может быть.

Я сделал отчаянную попытку.

— Послушай, он же твой сын! А если не наловчусь?

— Лучше уж ты, чем мои родители. Кто угодно, кроме меня.

Пацан молчал. Мы сидели у меня в кабинете. Хилари устроилась на кожаном диване, с хозяйским видом закинув ноги на дизайнерское кресло. Из губ свисала сигарета, которую Хилари наверняка потушит о тиковый подлокотник, навсегда оставив крохотную метку: «Здесь была Хилари». И я бы простил ей, но она собиралась оставить здесь не только это.

Пацан стоял навывтяжку, сцепив руки, как в церкви, и тупо пялился в пространство перед собой, хотя в кабинете было на что поглазеть: хотя бы на титановый сейф и мини-алтарь с моим портретом (больше волос, меньше морщин) в массивной золотой раме. За дверью, в задрапированной велюровыми занавесями комнате, ожидали Дети, обратившись в слух. Может, опасались, что меня застрелят, а может, затаив дыхание, надеялись, что сама Пресвятая Дева Мария с младенцем-переростком решила навестить наш вертеп накануне Апокалипсиса. Между тем «младенец» глазел на нас остекленевшим взглядом, как на незнакомцев, лениво перекидывающихся в картишки. Будто не понимал, что на кону его судьба. Мать готова спихнуть его на попечение какого-то седовласого мужика атлетического телосложения — сто отжиманий каждое утро с тех самых пор, как обзавелся волосами на лобке, и не собираюсь бросать, пока мой агрегат не откажет, уж будьте уверены — который, оказывается, его давно утраченный папаша, а пацан и ухом не ведет.

Я даже позавидовал тому неведению, в котором он прожил десять лет. Нет ничего лучше темного экрана: заполняй его самыми невероятными, надуманными или несуразными фантазиями, и никто тебе слова не скажет. Вместо фигуры отца — небылицы про папочку-космонавта, затерявшегося на Луне, или папочку-агента ЦРУ, который зачищает богом забытую пустыню от мин. Можешь представлять себе, будто в твоих венах течет кровь героя, а в генах зашифрована сила Ахилла и дерзость Одиссея. Как тут не разочароваться, столкнувшись

лицом к лицу с реальностью? Променять высокий штиль на генетический эквивалент дешевого комикса? Я знал, что, глядя на меня, он, как в кривом зеркале, видит собственное отражение, — поздравляю, вот такая жизнь тебя ждет — а я, глядя на него, морщился при мысли о том, что было и что будет.

Его волосы хоть и прикрывали лоб, но уже предательски сдавали позиции. Пройдет еще лет двадцать, прежде чем этот крючковатый нос и косо посаженные глаза превратят его в картину позднего Пикассо, но тенденция намечалась. В свое время у меня была точь-в-точь такая копна соломенных волос; сколько осыпалось с макушки, столько прибавилось в ноздрях и ушах. Закон сохранения вещества в действии. Надо быть слепым, чтоб не признать в этом пацаненке свое чадо. А ему надо быть малолетним идиотом, чтоб видеть во мне образцового папашу. Однако пацан не выглядел разочарованным. Он вообще никаким не выглядел. Я даже испугался, а ну как пацан аутист. Господи Иисусе, мало того, что у меня, оказывается, сын есть, так он еще и с присвистом.

— Воспитывать детей не сложно, — сказала Хилари. — Просто смирись, что, так или иначе, испортишь ему жизнь. Только не переусердствуй, чтоб он коньки не отбросил.

— Я выставлю его на улицу, как только ты шагнешь за порог, — предупредил я.

В ответ Хилари ухмыльнулась, как ухмыляется женщина, которая, глядя на то, как ты сползаешь с ее голого тела, крихтя: «Должно быть, перепил малость», отвечала: «С кем не бывает». При этом каждый про себя думал: «Врешь ты всё».

— Не выставишь, — сказала она. И, как обычно, была права.

Пацан оказался не подарочек. Говорить он, слава богу, умел. Да что там — рот у него не закрывался. Как

только мамочка свалила, он принялся дотошно перечислять, что он ест, на чем спит, каким шампунем моет голову, какой пастой чистит зубы, сколько времени проводит в Интернете, — в таких подробностях, что меня начало подташнивать. Пришлось позвать кого-нибудь из Детей, чтобы записывать за ним.

— А лимузин? — спросил я, когда он, наконец, замолчал. — А маникюр по выходным и личная массажистка?

Мэнди Херман, еле поспевавшая заносить требования пацана в блокнот, метнула на меня острый взгляд. Я так и не понял, то ли она посчитала, что мой сарказм неуместен, то ли вспомнила, что я сам регулярно приглашал её к себе в кабинет и даровал привилегию разминать мои плечи, спину и поясницу.

— Ты же сказал, что не знаешь, как обращаться с детьми, — ответил пацан. — Вот я тебе и объясняю.

Мэнди, предательница, захихикала.

Пацан оказался из тех очаровательных, не по возрасту смысленных детишек, которые обитают в семейных комедиях и способны растопить сердца черствых стариков, примирить повздоривших влюбленных и показать каждому местному Скруджу подлинный смысл Рождества. И это — несмотря на оттопыренные уши, непропорциональные черты лица и страшную болтливость.

Я-то непрошибаемый, но Детей проняло до глубины души. Пацан и полдня у нас не пробыл, а они успели раздобыть детского барахла: одежду с чужого плеча, замызганные игрушки и — милостью нашего собственного Скруджа Джеффри — новехонькую кровать в виде гоночного автомобиля. Мэнди Херман и девчонки Бибидж едва не поцапались за право нянчиться с пацаном; в конце концов, решили, что Мэнди будет при нем по вечерам с понедельника по среду, а сестрички Бибидж — для пышногрудых прелестей которых пацан еще не дорос, а я уже был староват на пару десятков лет — в остальное время.

Образованием младших Детишек занималась Элисон Джентри, которая, прежде чем выбросила свою жизнь за борт, преподавала математику в школе. В бывшей конюшне она оборудовала классную комнату, где нашлось место и для пацана. Сверстников у него не было: так, горстка дошкольников, первоклашек и, конечно, сестрички Беббидж, но пацан предпочитал общество взрослых, — моих наивных, готовых по-детски уверовать во что угодно, Детей. Так что все логично.

Дети любят сказки. Я ведь, по сути, сказочник. Не больше, не меньше. Когда я был моложе, то думал окружить себя зеркалами, воскурять благовония, исцелять наложением рук и так далее, а с возрастом поуменел: духовному целителю вовсе не обязательно исцелять прокаженных. В нашем деле знай себе заливай. Ведь что такое вера, если не сказочка для поднятия настроения? Скептически настроенные идиоты, эти «благодетели», что вечно порываются сорвать пелену с глаз Детей моих, никак не возьмут в толк: ложь не ранит. Ложь проливается бальзамом на раны, нанесенные правдой.

Даже Он, мирно посапывающий на троне из облаков, не может предложить ничего, кроме волшебных сказок. Иосиф, Моисей, Иисус с его бесноватыми — те еще умели удивить. А сегодня? Вседержитель отошел от дел, и все, что он предлагает теперь — это, по сравнению с делами минувших дней, сказки на ночь. Рассказни про царство небесное да пустые обещания, что все будет хорошо, даже если сейчас полная жопа. Вот вам Библия в сухом остатке: однажды, давным-давно, я спас парочку несчастных кретинов, и может быть, если вы будете себя хорошо вести, я и вам подсоблю. А пока послушайте сказочку — и на бочок.

Вот и скажите, разве мое дело — не дело божье?

Социальные работники, дальние родственники, горожане, которые воротили носы, узнав, что Церковь покупает собственность рядом с их домами, — все они в один голос обзывали нас сектантами. Может быть. Но